

УДК 316.342.2
316.343.6

ЕЛЕНА СИМОНЧУК,

кандидат социологических наук, докторант
отдела социальных структур Института
социологии НАН Украины

Класс мелких собственников в Украине в XX веке

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей конституирования/воспроизводства класса мелких собственников в Украине в течение XX века. Столыпинская реформа создала благоприятные институциональные условия для конституирования класса мелкой буржуазии. В советскую эпоху реализация доктрины уничтожения частной собственности и отношений эксплуатации обусловила деконституирование этого класса. Цель ликвидации субъектов частной собственности была реализована посредством пяти последовательных реформ: военного коммунизма, нэпа, массовой коллективизации, максимального обобществления собственности и достижения социальной однородности. Ситуация реконституирования класса мелких собственников связана с созданием институциональных предпосылок для реставрации и легитимации частной собственности в периоды перестройки и постсоветской трансформации. Детальное изложение трех ситуаций конституирования класса в названные исторические периоды включает анализ институциональных условий воспроизводства класса, его социально-экономического статуса, численности и структурных характеристик.

Ключевые слова: конституирование социального класса, класс мелких собственников, крестьяне-единоличники, кулаки, нэпманы, кооперированные и некооперированные кустари, колхозники, артельщики, спекулянты, цеховики, паразиты общества, кооператоры

В XX веке неоднократно и радикальным образом изменялись институциональные условия конституирования/воспроизводства класса мелких собственников, а в соответствии с этим изменялись его социально-экономический статус, морфологическая структура и численность. В реализовавшейся в прошлом столетии по отношению к этому классу политике отчетливо выделяются три ситуации его воспроизводства. *Ситуация конституирования* класса означает наличие благоприятных институциональных условий: заинтересованность властных элит в развитии этого класса, законода-

тельное оформление прав, обязанностей и “правил игры” в экономике, создание организационной инфраструктуры, конструирование позитивного образа представителей класса и презентация его в публичном пространстве. *Ситуация деконституирования* класса предполагает законодательные инициативы и решения, ущемляющие его интересы, ликвидирующие правовые основания его существования. Попутно обосновывается применение дискриминационных практик к его представителям, а средствами массовой информации транслируется образ чуждого утверждающемуся новому социально-политическому строю класса, справедливо оттесняемого на маргиналии социальной структуры. *Ситуация реконституирования* класса представляет собой реверсную политику по созданию экономических предпосылок эффективного воспроизводства субъектов частной предпринимательской деятельности и формированию идеологической доктрины, легитимирующей новый экономический и социальный порядок. Причем каждая из названных ситуаций охватывает довольно длительный временной период, а ее внутренняя неоднородность обусловлена сменой политических и экономических тактик в отношении класса, которые и определяют модификацию режимов его институционального воспроизводства.

Ситуация конституирования. Отправной точкой анализа взято начало XX века, когда высший менеджмент страны пытался превратить класс мелких собственников, самый многочисленный в занятом населении Украины в составе Российской империи и представленный главным образом крестьянами-единоличниками и некооперированными кустарями, в эффективный класс мелкой буржуазии. Основным инструментом стали *стольтинские реформы*. В стратегии намеренного развития этот класс трактовался как важная часть структуры капиталистического общества, для которого необходимо создавать благоприятные условия воспроизводства, в частности, легитимное законодательное поле для развития частной инициативы, рыночных отношений и эффективного собственника-хозяина. Одновременно в общественном сознании формировался позитивный образ носителя “духа капитализма” и норм предпринимательской профессиональной этики.

Ситуация деконституирования. В советскую эпоху судьба мелких собственников была предопределена социалистической доктриной обобществления средств производства, предусматривающей безусловную ликвидацию крупной и постепенное вытеснение мелкой собственности. Средства решения подобной задачи, то есть режимы деконституирования, не оставались неизменными, они корректировались в зависимости от складывающихся социально-экономических обстоятельств; насчитывается не менее пяти таких режимов, связанных с определенными временными отрезками истории СССР. *Политика военного коммунизма* была попыткой в исторически кратчайшие сроки ликвидировать эксплуататорские классы в производстве и торговле, что привело к хозяйственному коллапсу. Ленинская *политика нэпа* представляла собой тактическое отступление и частичный возврат институциональных условий для воспроизводства класса мелких собственников, что позволило довольно быстро реанимировать сельское хозяйство, производство и торговлю. Результатом сталинской *политики принудительной массовой коллективизации* стало предельное сужение правового поля легального воспроизводства класса мелких собственников и, как следствие, заметное сокращение в довоенное десятилетие их численности; условия для предпринимательской инициативы мелких собственников со-

хранялись только в сфере реализации продукции приусадебных хозяйств и промыслов. *Политика максимального обобществления средств производства* в хрущевский период приводит к минимизации занятости в колхозно-кооперативном и индивидуально-частном секторах экономики; в правовом и идеологическом поле конструируется стигма “паразитарных” элементов общества, численно растущими носителями которой выступают люди, нелегально занимающиеся мелкой торговлей, услугами, промыслом. В брежневский период политики достижения экономической и социально-классовой однородности показатели коллективного и индивидуального секторов занятости достигают исторического минимума по данным официальной статистики, но, одновременно, максимума — в сфере теневой экономики в условиях дефицита товаров народного потребления.

Ситуация реконституирования. Реверсное движение к фактическому, юридическому и идеологическому восстановлению статуса класса мелких собственников началось с *реформ перестройки*. В соответствии с новой экономической доктриной, реабилитировавшей общественную роль предпринимательской инициативы и рынка, создавались благоприятные институциональные условия для реконституирования класса частных собственников. Основной период формирования института частной собственности и реконституирования класса мелких предпринимателей приходится на первые два десятилетия независимой Украины: законодательство приводится в соответствие с мировыми стандартами для цивилизованного ведения бизнеса; создается вся необходимая организационная инфраструктура; легитимируются частная собственность и ее субъекты.

В предлагаемом ниже материале — детальное изложение трех ситуаций конституирования класса мелких собственников (включая анализ институциональных условий воспроизводства класса, его социального положения, численности и структурных характеристик) в названные исторические периоды Украины, начиная со столыпинских реформ и заканчивая перестройкой. Описание воспроизводства этого класса в период 1990–2010-х годов планируется представить в следующей статье.

Стольтинская реформа (1906–1917)

Численность занятого населения в Российской империи 1910-х годов составляла почти 63 млн, из них 12,9 млн (20,5%) — рабочие и служащие, 50 млн (79,4%) — крестьяне-единоличники и некооперированные кустари [Труд в СССР, 1988: с. 3]¹. Таким образом, мелкие собственники представляли почти 80% занятых. Около трех четвертей этого трудового потенциала использовалось в сельском хозяйстве, остальные — в кустарной промышленности, которая представляла собой мелкое домашнее товарное производство на рынок, базирующееся на частной собственности на средства производства и личном труде кустаря. Кустарная промышленность интенсивно

¹ Класс мелких собственников в дореволюционной Российской империи и, в частности, в украинских губерниях был представлен тремя сословиями — крестьянами, мещанами и купцами. Согласно переписи населения 1897 года, численность сословий в порядке убывания была такова: крестьянство — 77,5%, мещане — 10,7%, инородцы — 6,6%, казаки — 2,3%, дворяне (потомственные и личные) — 1,5%, духовенство — 0,5%, почетные граждане — 0,3%, купцы — 0,2%, прочие — 0,4%.

развивалась после отмены крепостного права в 1861 году, однако с прогрессом фабрично-заводской промышленности она, не выдерживая конкуренции, стала сокращаться. «В 1913 году насчитывалось 3706 тыс. занятых в кустарной промышленности (в том числе на Украине — 415 тыс. человек)¹, удельный вес ее продукции в общем промышленном производстве составлял 33%. На Украине 70% всех кустарей сосредоточивалось в Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губерниях. Наиболее распространенными кустарными промыслами на Украине были производство волокна и изделий из него, изделий из дерева, кожи, одежды, металлоизделий, гончарных изделий, ковров, художественной керамики и др.» [Кустарная промышленность, 1981; Нізова, 2005]. Мелкие торговцы составляли небольшой процент занятых.

Однако подавляющая часть мелких собственников в начале XX века была сосредоточена в аграрном секторе, развитие которого тормозилось пережитками феодализма, в частности сохранением общины², крупным помещичьим землевладением и крестьянским малоземельем³. Класс крестьян-единоличников был многочисленной, но, по оценкам экспертов, малоэффективной силой для экономического развития. Надежды на изменение ситуации возлагались на столыпинскую аграрную реформу, которая предусматривала развитие капиталистических отношений в деревне через разрушение общины и насаждение частной земельной собственности, консолидацию слоя мелких земельных собственников, создание многочисленной сельской буржуазии [Барабой, 1980; Столыпинская аграрная реформа, 1984]. Начало реформе положил царский указ от 9.11.1906, согласно которому крестьянам предоставлялось право закрепить земельный надел в личную собственность, выйти из общины, объединить свои земельные участки в один — в хутор или отруб — или продать эту землю. В период 1906–1915 годов по всей России из общины выделилось 2 млн дворов (22,1% всех общинников). На украинских территориях процесс выделения шел быстрее, так как уровень развития капитализма в сельском хозяйстве был выше. Так, в

1 Если учесть, что общая численность занятых составляла в 1913 году около 63 млн человек, долю кустарей в дореволюционной Российской империи можно оценить в 6%. Согласно данным украинских историков, масштаб занятых в кустарно-ремесленном деле в Украине составлял 6–12% населения [Нізова, 2005: с. 192]. Кустари были неоднородны по социальному и национальному составу: например, в Киевской губернии 80% мелких производителей были из крестьян и 20% — из мещан; 84% кустарей Киева и окружных городков составляли евреи и 16% — лица других национальностей, а в селах Киевской губернии национальный состав был иным — 8% и 92% соответственно [Нізова, 2005: с. 198–199].

2 Сельская община, сохранившаяся после крестьянской реформы 1861 года, владела надельной землей и выделяла каждому двору земельный надел в пользование в соответствии с количеством в нем ревизских душ. В составе надельной земли удельный вес общинного землепользования составлял в целом по Европейской России 80%, при этом в центральных ее губерниях — 96%, в южных — 80–90%. В западных же губерниях преобладало подворное землепользование, удельный вес которого составлял: в Белоруссии — 61%, на Левобережной Украине — 67%, а на Правобережной — 86%.

3 Например, в 1905 году на Украине 31 тыс. помещиков владели свыше 10 млн десятин земли (на одно дворянское имение приходилось в среднем 330 десятин земли), в то время как 3 млн крестьянских дворов имели 20 млн десятин надельной земли (в среднем 6,7 десятины на двор) [УССР, 1985: с. 99].

Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях из общины выдилось 45,6% всех дворов, на Правобережье — 48,6%; исключением было Левобережье, где эта доля составляла 20,5%. В течение 1907–1911 годов в украинских губерниях на хутора и отруба вышло свыше 226 тыс. хозяйств, которые владели 1800 тыс. десятин земли.

Реформа способствовала развитию капитализма в сельском хозяйстве, созданию новых эффективных хозяйств, но одновременно она усилила классовое расслоение внутри крестьянства на кулаков и сельских пролетариев¹. Составляя примерно четверть крестьянского населения, кулаки сосредоточили в своих руках около 40% крестьянских земель, свыше 50% рабочего и продуктивного скота, преобладающее число сельскохозяйственных машин [УССР, 1985: с. 96]. Механизм расслоения был таков: крестьянская беднота, получив надел в собственность, продавала его за бесценок кулакам и окончательно пролетаризировалась. По всей России продали свои наделы 1260 тыс. собственников беднейших хозяйств, в том числе в украинских губерниях — 263 тыс. (24%). Следствием углубления классовых противоречий в деревне стало обострение борьбы крестьян против помещиков и кулаков — за 1908–1911 годы произошло 11,3 тыс. крестьянских выступлений.

Общепризнано, что в начале XX века, несмотря на сравнительно быстрое развитие промышленности и результаты аграрной реформы, Российская империя (и украинские губернии в частности) оставалась экономически отсталой страной, где господствующим было крупное помещичье землевладение и мелкотоварное производство крестьян-единоличников. Полноценный класс мелкой буржуазии не успел сформироваться из-за начала войны и революции (реформа была отменена постановлением Временного правительства от 28.06.1917).

Политика военного коммунизма (1919–1921)

Первым испытанием для класса мелких собственников в советский период стали политические и экономические реформы, названные постфактум политикой “военного коммунизма”. Основными экономическими мерами этой политики (в УССР введенной в 1919 году) были национализация собственности, максимальная централизация управления экономикой, государственная монополия на аграрную продукцию, продразверстка, запрет частной торговли и отмена товарно-денежных отношений [Кульчицкий, 1996]. Эти реформы разрушали институциональные основы воспроизводства класса частных собственников и делегитимировали их в общественном сознании.

Собственники частных предприятий были лишены своего социального статуса путем национализации (по оценкам историков, в УССР этот процесс не был завершен, и часть мелких, средних и даже крупных предприятий осталась в руках бывших хозяев [Волосник, 2010: с. 346]). Предприниматели в торговле лишались условий для легальной деятельности, поскольку власть фактически запретила частную торговлю, ввела государственную монополию на торговлю важнейшими товарами (сахаром, чаем, солью, углем, метал-

¹ В дореволюционной Украине кулаком называли зажиточного крестьянина, получившего достаток на “закабалении” своих односельчан и державшего весь “мир” (сельскую общину) “в кулаке” (в зависимости от себя). Словарь украинского языка Бориса Гринченко приводит в качестве синонимов слова “глитай, мироїд, кулак” [Словарь, 1996].

лом и т.д.) и карточную систему распределения товаров и продуктов. Политика в отношении села была направлена на ликвидацию не только крупных собственников (помещиков выселяли вместе с семьями из имений, лишали инвентаря и земли), но даже мелких. Крестьян-собственников лишали экономических стимулов для воспроизводства себя как класса: был введен запрет на аренду земли и использование наемного труда, но главное — система продразверстки, обязывавшая крестьян в принудительном порядке сдавать сельскохозяйственную продукцию (зерно, овощи, мясо, молоко и др.) по государственным (крайне низким) ценам; одновременно рыночная торговля этими товарами была запрещена и объявлена спекулятивной. Для изъятия продовольствия создавались специальные продовольственные отряды (например, в 1920 году в них было мобилизовано 15 тыс. рабочих); созданные большевиками комитеты бедноты помогали членам продотрядов выявлять крестьян, прятавших запасы хлеба. Кроме борьбы с частным собственником в селе власти пытались ввести коллективные формы хозяйства (создавались коммунны и совхозы, которым было отведено более 1 млн десятин земли, конфискованной у помещиков без выкупа согласно закону о земле от 5.02.1920), однако крестьяне не хотели добровольно в них вступать.

Партийными идеологами конструировался образ “классовых врагов”, в число которых включали не только помещиков и капиталистов, но также крестьян-середняков и кулаков, сопротивлявшихся изъятию продукции. Революционные поэты и художники внедряли эти образы в общественное сознание через сатирические фельетоны, агитационные плакаты и карикатуры (например, в “Окнах сатиры РОСТА”). В обществе нарастали явления аномии, правовые и моральные нормы в экономической жизни нивелировались. Догмат частной собственности и предпринимательской инициативы был разрушен не только в сознании украинцев: частных предпринимателей как классовых врагов уничтожали и физически (через созданную большевиками систему принудительных работ и первые концлагеря в 1920–1921 годы прошли около 30 тыс. человек).

Результатом военного коммунизма стала хозяйственная разруха и массовое недовольство населения; уже в 1920-м году кремлевское руководство осознало, что “первый коммунистический штурм” потерпел крах. Питирим Сорокин, детально анализируя официальные данные потерь в разных отраслях экономики и промышленности за годы войны и военного коммунизма (1914–1921), подводит горький итог: “Мы, современники и актеры этих лет, представляем то поколение, которое в восемь лет умудрилось промотать 60–70% своего достояния, накопленного предыдущими поколениями” [Сорокин, 2005: с. 475–479].

Новая экономическая политика (1921–1929)

После провала политики военного коммунизма советское руководство, осознав преждевременность полного избавления от частного сектора экономики, решилось на тактические уступки. Владимир Ленин на X съезде РКП(б) в марте 1921 года сформулировал основные положения новой экономической политики (нэпа), направленные на возрождение класса буржуазии путем частичной легализации частной собственности, свободы торговли и рынка. Условия для частного предпринимательства были весьма ограниченными и далеко не цивилизованными. Во-первых, нэп предполагал частичную де-

национализацию собственности — только в сфере мелкотоварной экономики; в Гражданском кодексе УССР фиксировалось господствующее положение госсобственности на средства производства и ставились барьеры против концентрации капитала в руках частных предпринимателей (право владения ограничивалось предприятиями с не более чем 20 работниками). Во-вторых, советское законодательство не давало частным предпринимателям юридических гарантий неприкосновенности их собственности; право частного предпринимательства предоставлялось без “признания собственности”, но с правом пользования, владения и распоряжения им на 50 и более лет [Сорокин, 2005: с. 479]. В-третьих, реставрируя экономические и правовые условия для воспроизводства класса мелкой буржуазии, идеологи параллельно продолжали пропагандистскую кампанию по конструированию негативно-го имиджа частных собственников (буржуев, кулаков, нэпманов).

Несмотря на то, что был создан лишь минимум необходимых институциональных условий для развития предпринимательской деятельности и его субъектов, введение нэпа в короткие сроки позитивно сказалось на народном хозяйстве¹. В промышленности осуществлялась (хотя и в рамках единого общехозяйственного плана) значительная децентрализация управления отраслями; государственные предприятия переводились на хозяйственный расчет, им предоставлялось право ограниченного сбыта своей продукции; треть всех предприятий (преимущественно в пищевой и легкой промышленности) сдавалась в аренду частным лицам; частная промышленность производила до 40% товаров потребления. Интенсивно развивалась частная инициатива в торговле (в 1924 году частники осуществляли 32% товарооборота в оптовой торговле и 94% — в розничной). Реформы в аграрном секторе (где продразверстка была заменена продналогом, разрешались аренда земли и применение в ограниченных размерах наемного труда) довольно быстро оживили товарооборот и рыночные отношения, восстановили экономическую связь города и села; уже в 1925 году объемы обрабатываемых земель и валовый сбор зерна достигли уровня 1913 года.

Питирим Сорокин в “Социологии революции” (1923), исключительно эмоционально описывая динамику “структуры социального агрегата” и анализируя “изменения народной психики и идеологии” в периоды революции и нэпа, пишет, что по иронии истории “в результате коммунистической революции в России возникла и сейчас бушует небывалая собственническая стихия. До коммунизма у нас в деревне не было настоящей мелкой буржуазии, у крестьян — глубокого чувства и положительной оценки института частной собственности. Теперь то и другое налицо. Революция превратила наших общинников-крестьян в индивидуалистов-собственников. По всем

¹ В период нэпа сложилась многоукладная экономика: “крестьяне-бедняки вели патриархальное, натуральное хозяйство; мелкотоварное производство было представлено миллионами середняцких хозяйств в деревне и торгово-ремесленными лавками в городах и поселках; “частнохозяйственный капитализм” представляли кулацкие хозяйства в деревне и небольшие частные предприятия в городах; четвертым укладом был так называемый “государственный капитализм” (национализированные предприятия, сданные в аренду частным предпринимателям, но находящиеся под контролем государства); а пятым — социалистический сектор экономики, включавший в себя государственные предприятия, госторговлю (включая всю внешнюю торговлю) и сельскохозяйственные коммуны” [Губарев, 2004].

областям России идет стихийное выделение крестьян на отруба и хутора. Власть бессильна сопротивляться этому, и земельный закон 22.05.1922, представляющий разновидность закона П.Столыпина, санкционировал это. Короче, в деревне коммунистическая революция выполнила программу П.Столыпина, создала мелкого собственника и надолго похоронила всякие коммунизмы” [Сорокин, 2005: с. 469].

Однако не надо переоценивать размах частного сектора экономики в 1920-е годы. Общий размер частного капитала в 1924 году был ниже уровня 1913 года примерно в 14 раз. В национальном доходе удельный вес новой буржуазии в 1924 году достиг только 5%, а в 1928-м — 3,6%. Численный состав новой буржуазии в УССР значительно колебался в период нэпа: от 100,6 тыс. человек в 1923–1924 годах до 12 тыс. в 1928–1929-х; вместе с членами семей — от 437,6 тыс. до 46,6 тыс.; удельный вес нэпманов (вместе с семьями) в составе населения УССР в этот период составлял от 1,62% до 0,15% соответственно [Волосник, 2010: с. 363].

Нэпманы были маргинализированным классом, особенно в социокультурном отношении; они проигрывали дореволюционной генерации предпринимателей. В новых условиях традиционные нормы предпринимательской профессиональной этики и социальные ценности девальвировались; широкое распространение получили такие явления, как злоупотребление доверием, невыполнение взятых на себя обязательств, фальсификация, обман [Волосник, 2010: с. 347–348]. Жизненный путь многих нэпманов был тем или иным образом связан с кражами, разворовыванием госсобственности, подкупом, спекуляцией.

Эксперты и современники нэпа считали, что слабость частного сектора и негативные черты новой буржуазии были следствием искривленного законодательства и специфических условий большевицкого государства; они “были порождением режима бесправия, административного произвола и классовой юстиции” [Волосник, 2010: с. 348]. Эти неопределенные и ненадежные условия для бизнеса, во-первых, парализовали инициативу частных предпринимателей, лишали их видения долговременной перспективы и желания вкладывать свои накопления в развитие предприятия; капитал предпочитали помещать не в сферу производства, а главным образом в торговлю, откуда при угрозе конфискации его сравнительно легко можно было извлечь [Волосник, 2010: с. 354]¹.

Во-вторых, ненадежные условия предпринимательской среды обуславливали и исключительно высокую мобильность частных собственников в условиях нэпа. Так, обследование торговых учреждений 1927 года показало, что 60% из них на момент опроса просуществовало не более 1,5 года. Биографии многих частных предпринимателей свидетельствовали, что в годы нэпа они сменили около десятка занятий [Волосник, 2010: с. 358].

В-третьих, сложившиеся условия способствовали привлечению в предпринимательство немало числа авантюристов и формированию значительного теневого сектора экономики (лжекооперация, контрабанда, безпа-

¹ В середине 1920-х в Украине из общей суммы денег частного капитала 104 млн рублей, вложенных в разные отрасли экономики, в торговлю было направлено 87 млн, в промышленность — 15 млн, в кредитную систему — 2 млн рублей. Несмотря на скромные инвестиции, частная промышленность производила до 40% товаров потребления [Волосник, 2010: с. 354].

тентная торговля, маклерство, др.). Оценки масштаба нелегальной сферы частного сектора в области промышленного производства значительно разнятся: одни считают, что реальная численность частных предпринимателей вдвое превышала официально зарегистрированную; другие полагают, что нелегальный частный капитал превышал легальный не более чем на 20% [Волосник, 2010: с. 343–344].

В-четвертых, вполне объяснимо, что в советских условиях у представителей новой буржуазии практически отсутствовала “психология хозяина”; в этом состояло, пожалуй, главное отличие ментальности новой буржуазии от дореволюционной. Подрывом догмата частной собственности (которая перестала быть “священной и неприкасаемой”) кремлевские власти за короткое время нанесли непоправимый удар по психологии частного собственника. Испытываемые нэпманами чувства неуверенности и страха конфискации имущества были не оправданием, но некоторым объяснением их показного расточительства нажитого богатства.

В формировании образа нэпмана как классового врага участвовали, наряду с официальной пропагандой, и “пролетарские” литераторы (Владимир Маяковский, Демьян Бедный). Они конструировали преимущественно карикатурный образ нэпмана как социального зла, политически опасного и морально неполноценного врага¹. Тем не менее исследователи отмечают, что в общественном мнении негативный образ не был доминирующим, скорее амбивалентным — от демонизации до героизации. У разных слоев населения с нэпманами (советскими предпринимателями) ассоциировались и позитивные изменения в улучшении работы кооперативной торговли, обеспечении товарами народного потребления, ликвидации безработицы [Волосник, 2010: с. 349].

Несмотря на успехи нэпа темпы роста производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве оценивались как сравнительно скромные. Особенно с учетом поставленных советским руководством целей в кратчайшие сроки догнать и перегнать ведущие капиталистические страны, продемонстрировав тем самым преимущества социалистической модели общественного устройства над капиталистической. Ключевым звеном в этом соревновании была индустриализация, особенно развитие тяжелой промышленности. Ресурсы для реализации этих целей (при отсутствии возможности внешнего кредитования) нужно было найти внутри страны. Только аграрный сектор экономики мог предоставить трудовые ресурсы и источник валюты (им было зерно, которое государство закупало у крестьян по низким ценам и перепродавало за рубеж за валюту, используемую затем для покупки промышленного оборудования). Потребность в валюте с каждым годом возрастала, следовательно, требовалось резкое увеличение производства хлеба. Однако властям стало очевидно, что мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства, составлявшие в 1920-е годы основу сельскохозяйственного производства, не способны существенно повысить производительность своего труда. Половина крестьянских хозяйств принадлежала беднякам, которые практически ничего не производили на рынок. Весьма продуктивными были ку-

¹ Подробно о социокультурном портрете предпринимателя периода нэпа и его отражении в пропаганде и массовом сознании (в частности, об антинэповской пропаганде, ее формах, методах, образах) см.: [Волосник, 2010; Пахомов, 2005].

лацкие хозяйства: составляя лишь 5% от общего количества крестьянских хозяйств, они производили четверть всего товарного зерна; остальные $\frac{3}{4}$ приходились на долю середняцких хозяйств, размеры которых не превышали 3–5 гектаров, поэтому их перспективы для роста были невелики¹.

У коммунистического руководства, озадаченного необходимостью увеличения производственных мощностей в аграрном секторе, теоретически было два возможных пути. Один путь — ставка на частного собственника и создание для этого нормальных рыночных условий для капитализации эффективных сельских хозяйств (без ограничения пределов аренды земли и найма рабочей силы, установливания высоких налогов для зажиточных крестьян) — был идеологически неприемлем. Предпочтительным выглядел другой путь — повсеместное кооперирование мелких раздробленных крестьянских хозяйств и создание крупных производственных сельскохозяйственных коллективов с опорой на машинную технику (колхозов). Однако данные официальной статистики свидетельствовали, что в течение 1920-х годов добровольно крестьяне не спешили кооперироваться. В этот период среди коллективных сельскохозяйственных предприятий в УССР бытовали такие организационные формы трудовой деятельности: *коммуны* (полное обобществление земли, скота, инструмента), *артели* (относительная автономия крестьянского двора, который сдавал в колхоз часть собственности с правом ее возврата) и *товарищества совместной обработки земли — тсозы* (действовали по принципу долевого участия, используя собственные угодья, рабочий скот, инструменты, семена). В октябре 1928 года доля этих форм была такова: 2,4% — коммуны, 20,5% — артели и 77,1% — тсозы [Исторія українського селянства, 2006: т. 2, с. 80]. К коллективным формам примкнули всего 267 тыс. из 5,1 млн крестьянских дворов, которые оставались на подворной, хуторной или отрубной формах землепользования [Марочко, 2012: с. 239]. Таким образом, коллективные формы жизни и труда в конце 1920-х были скорее исключением, а не повседневной нормой.

Ставка кремлевского руководства на интенсификацию кооперативного пути развития народного хозяйства привела к отказу от нэпа в конце 1920-х годов². Уровень дискриминации частной собственности и ее носителей в

¹ В словарях украинского языка эти социальные типы толковались так. “*Куркуль* — багатий селянин-власник, на якого працюють наймити і незаможні”; разг. слова-синонимы: “*мироїд* — той, хто живе чужою працею” і “*глитай* — багатий власник, який визискує батраків і бідняків” [Словник, 1973: т. IV, с. 411; т. II, с. 714]. “*Середняк* — селянин-одноосібник, який мав невелику земельну ділянку, обробляв її власними силами і займав проміжне становище між бідняком та куркулем” [Словник, 1973: т. IX, с. 136].

² Поводом для сворачивания нэпа послужили кризисы хлебозаготовок в 1927–1928 годах. Они были вызваны отказом крестьян продавать хлеб государству по низким (в 8 раз ниже рыночных) ценам; ради преодоления кризиса в 1927 году советская власть пошла на уступки крестьянам, повысив закупочные цены. В следующем году ситуация повторилась: желая дождаться повышения цен, крестьяне снова не спешили продавать его хлебозаготовителям; однако власти (во главе с новым лидером Иосифом Сталиным) не пошли на уступки в виде компромиссной политики цен, а ввели чрезвычайные меры, означавшие отказ от исходного принципа нэпа — права крестьянина свободно распоряжаться излишками сельхозпродукции после уплаты налогов. Возникший кризис объявили результатом происков классового врага (нэпманов-предпринимателей и кулаков) и использовали его для коренного изменения политического курса и отказа от нэпа.

этот период достиг максимума. Под влиянием неослабевающей антикапиталистической пропаганды среди широких слоев населения нагнеталась атмосфера классовой нетерпимости, агрессивности и враждебности к частникам. Нэпманская буржуазия вынуждена была останавливать свою деятельность и переходить к другим видам занятий (при этом 70% бывших нэпманов, поступивших на службу, разорилась, утратив капитал). Бывшие нэпманы и их дети стали объектом классовой дискриминации со стороны госорганов (например, лишения избирательных прав, запрета на поступление детей в вузы и на госслужбу).

Политика всеобщей коллективизации (1930–1940-е)

Заменой нэпу стала политика массовой коллективизации и ликвидации кулака как класса. (Ее основные положения были окончательно сформулированы на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 27.12.1929 года, а вот об отмене политики нэпа официально никогда и нигде сказано не было.) Основные принципы этой экономической политики получили и законодательное оформление: вторая Конституция УССР от 15.05.1929 отменяла частную собственность и устанавливала полновластие трудящихся (“УССР является социалистическим государством, основанным на диктатуре пролетариата и власти советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов”). Детальный анализ сталинского этапа в социально-экономических преобразованиях в 1930-е годы, политики и практики всеобщей коллективизации сельского хозяйства предприняли украинские историки [Кульчицкий, 2012: с. 44–54; Марочко, 2012; Історія українського селянства, 2006]. Эти материалы позволяют реконструировать ситуацию наиболее радикального периода деконституирования класса мелких собственников.

Целью “второго коммунистического штурма” (“первый штурм” — политика военного коммунизма — себя не оправдал) в селе были принудительная коллективизация крестьян-собственников и обеспечение постоянного производства сельхозпродукции на условиях государства, а в городах — массовое производственное кооперирование кустарей и ликвидация частных предприятий. Начало практическому переходу к политике всеобщей коллективизации положило постановление ЦК ВКП(б) “О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству” от 5.01.1930. Этот документ устанавливал очередность регионов в достижении всеобщей коллективизации; Украина должна была завершить этот процесс не позднее весны 1932 года. В тайном постановлении ЦК ВКП(б) “О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах всеобщей коллективизации” от 30.01.1930 разъяснились конкретные меры. К первой категории репрессирования был отнесен “кулацкий актив”, подлежащий немедленной ликвидации через отправку в концлагеря или расстрелы; вторая категория означала депортацию в отдаленные края страны (Сибирь и Казахстан), третья — расселение за границами колхозных земельных массивов на выселках [Кульчицкий, 2012: с. 47]. Сталин сделал ставку на политику социального раскола посредством мобилизации бедняцко-средняцкой массы против кулачества. Причисление конкретных хозяйств к разряду кулацких было отдано на усмотрение местных советов. Заинтересованность неиму-

щих селян в реализации новых законов обеспечивалась тем, что четверть поступлений от продажи с торгов собственности депортируемых кулацких семей поступала в местные фонды кооперирования бедноты.

Раскулачивание осуществлялось под общим руководством чекистов и при активном участии комитетов бедняков. Продолжалась операция с февраля по март 1930 года, охватив 29 округов УССР. Было выселено 19,5 тыс. хозяйств (93 тыс. человек); планировалось выселение еще 15 тыс. человек из 11 приграничных округов [Кульчицкий, 2012: с. 47]. Однако началось беспрецедентное крестьянское движение против коллективизации: в 1930 году в УССР было зарегистрировано 4,1 тыс. крестьянских волнений (больше, чем во всех других регионах товарного земледелия СССР вместе взятых). 2.03.1930 года всем желающим было разрешено выйти из колхоза, этим воспользовались практически все крестьяне-собственники, потерявшие веру в обещанный агитаторами “колхозный рай”. В августе 1930 года осталось 20 460 колхозов, которые объединяли всего 30% дворов и 36% пахотной земли [Марочко, 2012: с. 242].

Однако 24.09.1930 года ЦК ВКП(б) в директивном письме поставило перед местными партийными комитетами задачу “добиться решающих сдвигов в деле организации нового усиления колхозного движения”, проведя повторную кампанию “ликвидации кулачества как класса”, во время которой было предложено выслать за границы республики до 40 тыс. хозяйств (160 тыс. человек). Помимо раскулачивания теперь применялся еще один метод — обложение единоличников неподъемными налогами при одновременном освобождении от налогов колхозников. Раскулачивание вместе с налогово-льготным перепадом в короткий срок загнали в колхозы основную массу крестьянства: на октябрь 1931 года в УССР было коллективизировано 77% пахотной земли. В течение 1931–1933 годов уровень обобществления земли, скота, инвентария возрастал быстрыми темпами: если на 1.03.1931 колхозами было охвачено 2,3 млн крестьянских дворов (48,4% их общей численности в Украине), то на 10.04.1931 коллективный сектор объединял 61% дворов и 64% пахотной земли, а на 1.10.1932 — 69% и 77% соответственно [Марочко, 2012: с. 242]. Еще одним методом для завершения коллективизации на украинских землях стала политика “воспитания голодом”, ценой огромных жертв сломавшая сопротивление крестьян-собственников и загнавшая их в колхозы. (Детальное описание целей, причин и следствий политики, приведшей к Голодомору 1932–1933 годов в Украине, см.: [Голод, 2003; Кульчицкий, 2012: с. 54–86; Марочко, 2012: с. 290–354].)

На январском пленуме ЦК ВКП(б) 1933 года Сталин объявил об отказе от политики “подхлестывания” в промышленности и сельском хозяйстве. Согласно этой политике, продразверстка вновь была заменена продналогом; колхозам и единоличникам разрешили реализовывать по ценам свободного рынка продукцию, произведенную сверх твердо зафиксированных норм государственных поставок. Новыми правилами Кремль признавал, что выращенная в колхозе продукция принадлежит крестьянам, а государство должно получить только ее часть в виде налога, размер которого колхозники будут знать заранее. В это время колхозы приобрели тот вид, кото-

рый нам известен¹: одной своей стороной (общественным хозяйством) они обращены к государственному сектору экономики, а другой (приусадебным хозяйством) — к рынку [Кульчицкий, 2012: с. 79].

Очевидно, что основной этап коллективизации пришелся на 1929–1933 годы, поскольку в течение 1935–1939 годов было создано только 2,8 тыс. колхозов (общая численность достигла 27 тыс. хозяйств), к которым присоединилось 623 тыс. дворов (в предыдущий период 3,2 млн) [Марочко, 2012: с. 243]. Сельские хутора и хуторяне, представлявшие собой самобытные “остатки” старого уклада жизни, раздражали партийцев, поэтому в конце 1930-х их переселяли в колхозы². Так, к 5.12.1938 года ликвидации подлежало 26 тыс. хуторов, в 1939 — 12 тыс. Несмотря на давление властей, 1,4 млн хозяйств не присоединились к колхозам, а 285 тыс. дворов принудительно выселили из Украины [Марочко, 2012: с. 243].

Сломленное коллективизацией и голодомором украинское село к концу 1930-х годов действительно стало преимущественно колхозным (основной формой трудовой деятельности крестьян была сельскохозяйственная артель³), а большинство украинских крестьян-собственников обрело новый социальный статус — колхозника. Какими жестокими путями коллективизация была достигнута и какие жизненные и семейные драмы она повлекла, известно благодаря исследованиям историков и социологов, работающих в рамках методологии устной истории [Голоса крестьян, 1996; Кузьменко-Лисовенко, 2012], а также произведениям украинских и советских писателей, по свежим впечатлениям писавших о голодоморе, коллективизации, движении “25-тысячников”, например, “Марія” (1934), “Кулак” (1932), “Волинь” (1932–1937) Уласа Самчука; “Жовтий князь” (1958) Василя Барки, “Поднятая целина” (1932, 1959) Михаила Шолохова. Украинский историк Василь Марочко реконструирует повседневную жизнь колхозного села в 1930-е годы: работу в колхозных бригадах, формирование колхозного крестьянства как носителя нового уклада жизни по время политико-идеологических акций (ударничество, соцсоревнование), влияние шефских рабочих бригад, политотделов МТС, сельских советов; а также детально описывает период голода, ломавший крестьянство физически и психологически, державший в плену страха и покорности [Марочко, 2012]. Колхозы стали той

¹ Станислав Кульчицкий отмечает, что природа советских колхозов в годы становления колхозного строя (1930–1932) и в последующие десятилетия была нетождественна. Он рассматривает различия между колхозом в форме артели и коммуны [Кульчицкий, 2012: с. 50–51]. Артель не может существовать вне товарно-денежных отношений; если будет существовать артель, будет существовать рынок. Сталин объявил артель “основным звеном колхозного движения”, приняв в 1930–1932 годах много мер для их организационно-хозяйственного укрепления, но построил отношения между городом и селом таким образом, словно в селе господствовали коммуны.

² Для установления полного контроля государства над селом и достижения полной коллективизации крестьян-частников, не вступивших в колхоз, сгоняли на неудобные земли и устанавливали для них высокие налоги. В марте 1931 года было провозглашено, что советская власть считает союзником рабочего класса только колхозника, а не крестьянина-единоличника [Голоса крестьян, 1996: с. 398–399].

³ Принципы организации коллективного труда были зафиксированы в Примерном уставе сельскохозяйственной артели 1930 года.

средой, где переплавлялось “частнособственническое сознание” бывших крестьян-предпринимателей.

В городах же в период 1930-х годов после ликвидации частных предприятий производства и торговли, основной формой организации экономической жизни стали промысловые/производственные и потребительские артели/кооперативы (в дискуссии российских коммунистов в 2010-е годы именуемые формами “советского, сталинского предпринимательства” [Трубицын, 2011]). Мелкие кустари и ремесленники объединялись в промышленные артели, производившие главным образом товары народного потребления. Артельное производство в советских республиках в начале 1940-х годов было значительным: 114 тыс. мастерских и предприятий с разнообразной отраслевой специализацией — в легкой, пищевой, химической промышленности, металлообработке, ювелирном деле. На них работало около 2 млн человек (3,2% от всех занятых), которые производили почти 6% валовой продукции промышленности СССР. В частности, артелями и промкооперацией производилось 40% мебели и обуви, 70% металлической посуды, более трети всего трикотажа, почти все детские игрушки. Артели производили и высокотехнологичные товары: так, ленинградская артель “Прогресс-Радио” выпускала первые в СССР ламповые приемники (1930 год), радиолы (1935-й), телевизоры с электронно-лучевой трубкой (1939-й). В систему промысловой кооперации входило 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальные лаборатории и 2 научно-исследовательских института [Трубицын, 2011]. Кооперативная торговля была направлена на обеспечение населения товарами широкого потребления, а также заготовку сельскохозяйственных продуктов и сырья для торговли ими.

Отношение государства к кооперативному сектору эксперты оценивают по-разному. Одни (например, Александр Трубицын) считают, что государство четко определяло правила игры в этом секторе экономики, но не вмешивалось в деятельность артелей и кооперативов: например, руководители всех уровней выбирались самими членами промкооперации, а не назначались государственными чиновниками; новые предприятия на два года освобождались от большинства налогов и госконтроля над розничным ценообразованием (единственное условие — розничные цены не должны были превышать государственные на аналогичную продукцию больше чем на 10–13%); во избежание коррупции государство определяло и цены предоставления артелям сырья, оборудования, места на складах, транспорта, торговых объектов; работникам кооперативных предприятий законодательно предоставлялись равные с государственными работниками права (например, при зачислении трудового стажа); артели предоставляли своим членам ссуды на приобретение скота, инструмента и оборудования, строительство жилья; в рамках этого сектора действовала своя, негосударственная, пенсионная система [Трубицын, 2011]. Другие эксперты (например, Теодор Шанин) считают независимый характер деятельности колхозов и производственных артелей преувеличенным, поскольку своими средствами производства они владели лишь в минимальной степени; земля была государственной, как и механические орудия труда, целиком сосредоточенные на государственных предприятиях — машинно-тракторных станциях; производственная деятельность направлялась единым государственным народнохозяйственным планом и поэтому была строго регламентирована и централизована; товарная продукция

поступала в распоряжение государства при обязательной сдаче по низким ценам, а не путем продажи на свободном рынке; председатель колхоза формально избирался на общем собрании, но на деле назначался районными властями [Голоса крестьян, 1996: с. 398–399].

В Конституции УССР от 30.01.1937, зеркально повторяющей все идеи и положения сталинской Конституции СССР 1936 года, законодательно были закреплены три формы собственности на средства производства. Две из них представляли социалистическую собственность, которая “имеет либо форму государственной собственности (общенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений)” (статья 5), третья форма — явно маргинальная, но допустимая: “Вместе с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в УССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда” (статья 9). Размер *частного сектора* (мелких частных хозяйств) в материалах официальной статистики выглядел минимальным: доля крестьян-единоличников и некооперированных кустарей в социальном составе населения СССР в 1939 году составляла всего 2,6% (табл. 1). Правда, среди занятого населения доля занятых в частном секторе представлена более внушительно: в 1940 году 11,2% составляли крестьяне-единоличники и кустари, еще 2,5% занятые в личном подсобном хозяйстве (табл. 2). Таким образом, несмотря на все усилия по кооперации и коллективизации в довоенный период даже по данным официальной статистики оставалось достаточно много людей, работавших “на себя” — некооперированных крестьян, кустарей и ремесленников (около 14% всех занятых).

Таблица 1

Социальный состав населения СССР (1939–1987), %*

Социальные категории	1939	1959	1970	1979	1987
Все население, <i>в том числе:</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
рабочие и служащие	50,5	68,3	79,5	85,1	88,0
<i>из них рабочие</i>	<i>33,7</i>	<i>50,2</i>	<i>57,4</i>	<i>60,0</i>	<i>61,8</i>
колхозное крестьянство и кооперированные кустари	47,2	31,4	20,5	14,9	12,0
крестьяне-единоличники и некооперированные кустари	2,6	0,3	0,0	0,0	0,0

* *Источник:* Труд в СССР : Стат. сборник. — М., 1988. — С. 10.

Размер занятости в *коллективном (кооперативно-колхозном) секторе* экономики (который был частью социалистической экономики, но все же предусматривал некоторую долю самостоятельной инициативной экономической деятельности его субъектов) в довоенный период был весьма значительный, сопоставимый с долей рабочих и служащих в государственном секторе. В социальном составе населения СССР в 1939 году колхозное крестьянство и кооперированные кустари составляли 47,2% (табл. 1). Среди занятого населения доля колхозников, занятых в общественном хозяйстве

колхозов и в личном подсобном хозяйстве, в 1940 году оценивалась в 44,2% (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение населения, занятого в народном хозяйстве
СССР и Украинской ССР, по отраслям материального производства
и непроизводственным отраслям (1940–1987), %**

Отрасли	В СССР*						В Украинской ССР**			
	1940	1950	1960	1970	1980	1987	1960	1970	1980	1987
Всего занято в народном хозяйстве	100,0	100,0	100,0	100,0						
В отраслях материального производства (включая грузовой транспорт, связь, торговлю и личное подсобное хозяйство), <i>в том числе:</i>	88,3	86,2	83,2	77,2	74,1	72,8	85,9	80,0	76,0	74,2
рабочие и служащие	30,4	37,1	48,9	59,1	61,9	61,6	40,7	52,8	57,6	58,4
колхозники, занятые в общественном хозяйстве колхозов и в личном подсобном хозяйстве	44,2	43,9	30,1	16,2	11,0	9,9	42,0	25,7	17,5	14,9
члены семей рабочих и служащих, занятые в личном подсобном сельском хозяйстве	2,5	3,2	4,0	1,9	1,1	1,2	3,0	1,4	0,8	0,8
прочее население (крестьяне-единоличники, кустари и др.)	11,2	2,0	0,2	0,0	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1
В непроизводственных отраслях, в том числе:	11,7	13,8	16,8	22,8	25,9	27,2	14,1	20,0	24,0	25,8
в здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении; в народном образовании; культуре и искусстве; в науке и научном обслуживании	5,9	7,7	11,0	15,4	17,1	18,0	9,5	13,4	15,7	16,9
в ЖКХ; в непроизводственных видах бытового обслуживания населения; на пассажирском транспорте; в аппарате органов государственного управления; в кредитовании и госстраховании	5,8	6,1	5,8	7,4	8,8	9,2	4,6	6,6	8,3	8,9

* *Источник:* Труд в СССР. Статистический сборник. — М.: Финансы и статистика, 1988. — С. 12–13.

** *Источник:* Народне господарство УРСР у 1987 році. Статистичний збірник. — К., 1988. — С. 239.

Почему вплоть до середины 1950-х годов коллективный и индивидуально-частный секторы экономики были столь массовыми, несмотря на их идеологическую чуждость социалистической власти? Необходимость артелей, кооперативов, колхозов и некооперированных кустарей как форм экономической деятельности была обусловлена неразвитостью производительных сил и бедностью страны; недостаточностью у государства средств для строительства сразу во всех отраслях промышленности современных заводов и обеспечения совхозов техникой. В рамках государственного сектора экономики упор был сделан на индустриализацию и электрификацию страны (продукция группы А), а легкая промышленность и обеспечение услугами населения (продукция группы Б) были отданы на откуп частникам, кустарям, ремесленникам. Иосиф Сталин считал преждевременным огосударствление кооперативного сектора и приусадебных хозяйств колхозников, обосновывая эту позицию в своей последней — 1952 года — работе «Экономические проблемы социализма в СССР» [Сталин, 1952].

Однако, по свидетельствам экспертов и очевидцев, негосударственные формы труда всегда были вторичными и вызывавшими подозрение. Бытовало мнение, поддержанное обществоведами и всеми формами пропаганды, что кооператив, артель, личное подсобное хозяйство — явления временные, преходящие, отсталые, от которых следует избавиться в недалеком будущем. Индивидуалистские ценности, практики потребления и стиль жизни частников и кооператоров противопоставлялись коллективистским и эгалитаристским практикам рабочих и служащих предприятий государственного сектора; они находились в фокусе целенаправленной идеологической работы. Мелкие собственники остро критиковались и высмеивались в литературе, кинофильмах, агитплакатах (например, в романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок», пьесе Владимира Маяковского «Клоп», рассказах Михаила Зощенко, сатирических плакатах Кукурытников, карикатурах журналов «Крокодил» и «Перец»). Эти социальные типажи именовали «паразитами» общества. Факт вхождения в 1930-е годы понятия «паразит» в литературную и разговорную лексику зафиксирован в толковых словарях русского и украинского языков¹.

Политика максимального обобществления собственности (1950–1960-е годы)

С эпохи Никиты Хрущева начался период политики максимального обобществления собственности на средства производства и достижения однородности социально-классовой структуры. В 1956 году вышло Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О реорганизации промысловой кооперации»,

¹ В «Толковом словаре русского языка» 1935 года под редакцией Дмитрия Ушакова социальное значение слова «паразит» разъяснялось так: «человек, эксплуатирующий чужой труд, живущий чужим трудом (публиц. презрит.). Паразиты трудящихся масс. Ту-неядец, дармоед (прост. бран.)» [Толковый словарь, 1939: т. III, с. 160]. Аналогичное значение в «Словнику української мови»: «Той, хто живе, експлуатує чужу працю; хто уникає праці і живе за рахунок інших; дармоїд» [Словник, 1975: т. VI, с. 63]. Термин прочно закрепился в разговорной речи в качестве ругательства («Ах ты, паразит проклятый!»). Так обычно характеризовали капиталистические привилегированные классы и пережитки капитализма.

обязывающее к 1960-му году полностью передать государству все артельные предприятия (исключение составляли только мелкие артели бытового обслуживания, художественных промыслов и артели инвалидов)¹. Почему процессы всеобщего огосударствления были инициированы именно в это время? *Объективно-экономический фактор* связан с тем, что к 1960-м годам государство было готово к установлению новых отношений в отраслях, где традиционно преобладал кооперативный сектор (легкая и пищевая промышленности, торговля и бытовое обслуживание), а также к укрупнению колхозов. Другим существенным мотиватором политики максимального огосударствления был *идеологический и субъективно-психологический фактор*. Существование артелей и любых других форм коллективной собственности (в ограниченной мере, но все же автономной и самостоятельной деятельности, опирающейся на частную инициативу) негативно, по мнению властей, сказывалось на психологии советских людей, поддерживая мелко-собственнические интересы, ценности и ориентации. С кооператорами и остатками мелкобуржуазного сознания также решено было бороться.

От артелей избавились быстро и радикально. Механизм перевода артельной собственности в государственную был таков: паевые взносы подлежали возврату согласно уставам артелей; ссуды, выданные артелями своим членам, зачислялись в доход бюджета; выборные управляющие предприятий заменялись назначенными директорами — представителями партноменклатуры. К 1970-му году численность колхозного крестьянства и кооперированных кустарей в социальном составе СССР сократилась в полтора раза (с 31,4% в 1960-м до 20,5% в 1970-м) и продолжала сокращаться в дальнейшем (табл. 1). Среди занятого населения УССР доля колхозников, занятых в общественном хозяйстве колхозов и в личном подсобном хозяйстве, в этот период сократилась в 1,6 раза — с 42,0% в 1960-м до 25,7% в 1970-м (табл. 2).

Помимо кооперативного сектора продолжали существовать довольно обширные секторы *индивидуально-частной и теневой занятости* (где и сосредоточивались разные группы мелких собственников и предпринимателей), численность которых занижалась и маскировалась в официальной статистике и от которых целенаправленно и последовательно избавлялись. Американский историк Шейла Фицпатрик детально изложила, как менялось законодательство против “паразитических элементов общества” с царских времен и до хрущевского периода [Фицпатрик, 2008]. Если ранее к “паразитам” общества причисляли нищих, бродяг, проституток и применяли к ним административные наказания (например, высылка из крупных горо-

¹ В УССР в 1956 году численность членов артелей промысловой кооперации составляла 325 тыс. человек, а численность рабочих и служащих — 9107 тыс. [Досягнення, 1957: с. 101].

Вплоть до развала СССР сохранялись такие виды кооперативных организаций: сельскохозяйственная производственная кооперация (колхозы), потребительская (среди ведущих ее отраслей — торговля товарами народного потребления и общественное питание), жилищно-строительная кооперация, артельные народные промыслы (подробнее см.: [Кооперативные организации, 1985; Гелей, 2006]). В советской Украине их деятельность координировалась Украинским союзом потребительских кооперативных организаций (УКООПСОЮЗ). В официальных документах подчеркивалось, что кооперативные организации являются “важным средством развертывания социалистической демократии”.

дов), то в Законе 1961 года “Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими паразитический образ жизни” их перечень был расширен. Туда вошли люди, зарабатывающие в сфере теневой экономики или мелкой незаконной экономической деятельности (спекулянты, валютчики, торговцы на черном рынке, барахолочники, взяточники, тунеядцы), к которым теперь предусматривалось наказание от пятилетней ссылки до смертной казни. Необходимость принятия закона объясняли тем, что эти антиобщественные элементы мешают строить коммунизм; их численность увеличивается, по мнению идеологов, в связи с ростом уровня жизни советских граждан (массовое переселение из коммунальных квартир в собственные квартиры, покупка личных автомобилей, строительство частных домов на находящейся в индивидуальной собственности наделах земли и дачных участках), снижением склонности государства к жестким репрессиям, а также влиянием современной буржуазной идеологии, которая просачивалась через возрастающий информационный поток радио, печать и кино, международный туризм и переписку, экономический и культурный обмен (например, фестивали молодежи). К активной борьбе с “паразитами” призывали общественность.

По данным переписи 1959 года, из 120 млн трудоспособного населения свыше 11 млн (9,2%) *не* занимались общественно полезным трудом. Из них 10 млн были сельскими жителями и жили за счет собственных наделов земли, *не* работая в колхозах и совхозах. Среди остальных были временно не трудоустроенные, например, жившие на сбережения или сдававшие комнаты в своих квартирах и домах (250 тыс. человек) [Фицпатрик, 2008: с. 237]. Среди ремесленников, работавших частным образом и попадавших под действие Закона против “паразитического” образа жизни, были сапожники, портные, швеи, маляры, столяры, плотники, бондари, но милиция и местные власти часто закрывали глаза на предпринимательство столь мелкого масштаба. В сельской местности среди видов теневого заработка были сдача комнат частного дома, выращивание и продажа на рынке кроликов и пчел, ловля рыбы, сбор ягод, грибов, орехов и трав. В городах среди видов теневой экономики наиболее распространенными были услуги такси и перевозок на частном автомобиле, сдача квартир и комнат, выращивание на дачных участках продуктов на продажу, изготовление самогона, воровство продукции на электро- и радиозаводах с целью ее продажи, выпуск граммофонных пластинок на микрофабриках, производство в незарегистрированных мастерских изделий из полиэтилена, запасных частей, электропредохранителей; организация бригад “шабашников” для строительных и ремонтных работ [Фицпатрик, 2008: с. 244–245]. Уголовно наказуемыми видами теневого предпринимательства были изготовление и продажа самогона, изделий из драгоценных металлов и камней, предметов религиозного культа, фотографий, организация ставок на спортивных состязаниях и игры в рулетку. (Существовал официально утвержденный список запрещенных промыслов [Кондрашков, 1989: с. 25].) Ремесленники и кустари (как легально работавшие и имевшие патент, так и вне кооперативов) всегда были под подозрением у советской власти, рассматривавшей нефабричное производство как устаревшее и одновременно как потенциально капиталистическое.

Теневая организация торговли также имела много форм (фарцовка, спекуляция) и мест (толкучки, барахолки). Барахолки считали местом прибижища людей без определенных занятий и нового типа спекулянтов — фар-

цовщиков (добывающих предметы перекупки у иностранцев). Толчком для появления фарцовки стал подъем “железного занавеса” в период реформ Хрущева (подробнее об этом явлении и жизненных историях фарцовщиков см.: [Васильев, 2007; Романов, Ярская-Смирнова, 2007]). Основная причина распространенности разных форм теневой торговли — нарастающий дефицит во многих сферах народного потребления в условиях несовершенства плановой экономики.

Только за 1961 год в СССР было выселено из крупных городов за тунеядство 200 тыс. человек. По мнению экспертов, больше других от закона о тунеядстве 1961 года пострадали люди свободных профессий. Теперь только членство в творческих союзах (художников, писателей, композиторов) обеспечивало возможность не трудиться на государственной службе. Не принятые в них или исключенные автоматически попадали в ранг “паразитов-тунеядцев” со всеми вытекающими последствиями [Лебина, 2008: с. 264].

Оценивая закон 1961 года, Ш. Фицпатрик отмечает, что он был “интересен не столько своими прямыми результатами, сколько тем, что он выявляет различные недостатки общества, а также обнаруживает замешательство лидеров по поводу того, куда это общество идет. Идеологи партии заявляли, что общество неизбежно движется к коммунизму, то есть удаляется от капитализма и пережитков капиталистического сознания и привычек, которые являлись почвой для произрастания паразитизма. Однако внешнему наблюдателю может показаться, что траектория была абсолютно противоположной: не от “капитализма” (то есть экономического строя, предусматривающего частное предпринимательство и частную собственность), а, наоборот, к нему. И еще — просто поразительно, как много разного вида паразитов было обнаружено при ближайшем рассмотрении (...), как будто бы “второе общество” паразитов сосуществовало с “первым” обществом трудящихся (или, еще того хуже, каждый трудящийся был потенциальным паразитом). (...) Зная, чем кончилось дело, легко увидеть ошибочность утверждений Хрущева о том, что трудящиеся в Советском Союзе маршируют навстречу коммунизму. Возможно, лучшим описанием траектории советского общества, в свете грядущих событий, было бы то, что даже в конце 1950-х и начале 1960-х годов Советский Союз уже шел к капитализму — с “паразитами” в авангарде” [Фицпатрик, 2008: с. 252].

Политика экономической и социальной однородности (1970–1985 годы)

В поздний советский период (1970–1980-е годы) социально-классовый состав населения советских республик — по официальной версии — становился максимально однородным, что декларировалось как цель в последней Конституции УССР от 20.04.1978 (повторявшей положения Конституции СССР 1977 года, вошедшей в историю как “конституция развитого социализма”) и подкреплялось данными официальной статистики. В социальном составе населения СССР доля рабочих и служащих в 1987 году достигла исторического максимума (88%), а доля колхозного крестьянства и кооперированных кустарей — минимума (12%); против позиции “крестьяне-единоличники и некооперированные кустари” стояли нули (табл. 1). Несмотря на конституционно закрепленные положения, согласно которым “допускаются индивидуальная трудовая деятельность в сфере кустарно-ремесленных

промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также другие виды деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей” (статья 17), доля занятых индивидуальным трудом (мелких собственников) была сведена до 0,1% официально занятого населения; причем, к этой категории относили довольно ограниченный набор занятий — сапожники, часовщики, граверы, зубные техники и т.п. Согласно данным статистики относительно отраслевой занятости в народном хозяйстве СССР и Украинской ССР, субъектами индивидуально-частной собственности были две категории — “члены семей рабочих и служащих, занятые в личном подсобном сельском хозяйстве” и “прочее население (крестьяне-единоличники, кустари и др.)”. Совокупный удельный вес этих групп с 1940 по 1987 год снизился в СССР с 13,7% до 1,3% занятых, а в УССР с 1960 (более ранние данные найти не удалось) по 1987 год — с 3,2% до 1,0% (табл. 2).

Однако общеизвестно, что в реальной жизни (а не в цифрах официальной статистики) социалистических республик индивидуально-предпринимательский сектор экономики и в поздний советский период был значителен и представлен нелегально работавшими кустарями, торговцами и “цеховиками”¹. Попытки оценить размеры и причины теневой экономики (именуемой еще “второй экономики”) в СССР предпринимались многими западными исследователями. Например, согласно расчетам М.Алексеева и В.Пайна, базировавшимся на официальных экономических показателях, вклад неофициальной экономики в ВВП 1979 года составлял 12%, а в 1989 году — 22% [Alexeev, 2003; Бокун, 2011]. Столь существенную динамику исследователи объясняли возрастанием в период 1979–1989 годов неудовлетворенного товарного спроса среди населения, увеличением автономии государственных предприятий, обострением инфляционных процессов, взрывом самогонварения вследствие антиалкогольной кампании. Авторы отмечали различия размеров неофициальной экономики в советских республиках: в 1980-х годах они составляли в РСФСР 18%, в УССР — 25,3% (средний по стране), в южных республиках — 32,8%.

Таким образом, на исходе советского периода сложилась ситуация, когда в реальной экономике мелкие предприниматели реально существовали и результаты их деятельности были экономически востребованы; тем не менее в политических документах и официальной отчетности они представлялись как неуклонно исчезающий класс. Воплощению доктрины максимальной экономической и социальной однородности способствовали конститу-

¹ “Цеховиками” в СССР называли подпольных предпринимателей, в промышленных объемах производивших дефицитные товары (одежду, меховые изделия, обувь, золотые украшения, автозапчасти). Организация их деятельности имела две основные схемы: 1) продукция производилась теневой структурой, а сбывалась через государственные торговые организации; 2) продукция создавалась официальной государственной структурой, а продавалась через неофициальные теневые структуры. (Это делалось путём составления поддельных актов о списании фактически пригодных материалов и сырья; при этом подпольную продукцию, как правило, изготавливали те же рабочие предприятия, часто не знавшие о теневом характере сбыта части их продукции. Сбыт часто осуществляли через “толкачей” — снабженцев предприятий, вынужденных не всегда законно действовать в условиях плановой экономики.) Борьбой с этим явлением занимались органы ОБХСС. В советской кинематографии это отражено, например, в телесериале “Следствие ведут знатоки”.

ционно закрепленные цели и вся пропагандистская машина. Так, в Конституции УССР 1978 года, несмотря на то, что основой экономической системы провозглашали “социалистическую собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности” (статья 10), однако в этом не виделся предел ее огосударствления, поскольку декларировалось, что “государство содействует развитию колхозно-кооперативной собственности и ее сближению с государственной” (статья 12). То же в отношении социально-классовой структуры Украинской ССР: “нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции” не являлся для партийных идеологов окончательной формулой конфигурации классов; дальнейшая стратегия была сформулирована так: “Государство способствует усилению социальной однородности общества — стиранию классовых различий” (статья 19).

Реформы перестройки (1985–1991)

После такой длительной и драматической истории борьбы с частной собственностью и ее носителями, вытравливания предпринимательского типа личности из генофонда нации и ценности частной инициативы — из менталитета украинцев с 1985 года начался не менее длительный и драматический период восстановления статус-кво. Страна превратилась в открытую лабораторию для социального эксперимента по возвращению в экономическую жизнь института частной собственности и частного предпринимателя, а также не менее сложного процесса по легитимации этих социальных акторов в сознании граждан (общественность, которую десятилетиями активно привлекали к борьбе с частниками как “паразитами” общества, была неспособна в короткое время освободиться от глубоко укоренных стереотипов).

С началом перестройки был провозглашен курс на открытость, гласность и ускорение в экономике. Гражданами УССР эти идеи были встречены вначале с энтузиазмом; преодоление возрастающих проявлений неэффективности плановой экономики связывали с либерализацией отношений собственности и появлением новых экономических стимулов. Производственные кооперативы стали основной организационно-правовой формой легализованной предпринимательской деятельности в СССР. Ожидалось, что они помогут преодолеть крайне усилившийся в этот период дефицит товаров и продуктов, вызванный прежде всего спадом производства и резким ростом номинальных доходов и накоплений населения¹.

Первые кооперативы возникли в 1985 году и кооперативное движение очень быстро набирало обороты². В конце 1980-х эти процессы нашли отражение в официальной статистике: впервые появились сведения о количестве кооперативов и занятых в них, а также о занятых в сфере индивидуального труда. В Украинской ССР в 1989 году было зарегистрировано 29 894 кооператива разнообразных видов деятельности и 779,4 тыс. работников в них (что

¹ Эти ожидания не оправдались, поскольку большинство кооперативов занялись откровенной спекуляцией либо финансовыми операциями по обналичиванию денег. В итоге это привело к ещё большему усилению дефицита и появлению широкого слоя “кооператоров”, чьи доходы в принципе не регулировались никакими нормами.

² “Первые кооперативы” — не совсем точное выражение, поскольку советская потребкооперация оставалась действенным механизмом снабжения села вплоть до 1980-х годов.

составляло 3,8% всех занятых); причем, почти каждый второй работник кооператива был совместителем (табл. 3). Численность занятых в сфере индивидуального труда (позднее получивших название “самозанятые”) составляла 125 тыс. человек (0,6% всех занятых) (табл. 4). Причем распространенной индивидуальная деятельность была не в аграрной сфере (как через 5–10 лет), а в кустарно-ремесленных промыслах и бытовом обслуживании.

Таблица 3

**Основные показатели деятельности кооперативов в УССР
(1989–1991), %***

Вид деятельности	1989			1991		
	Количество действующих кооперативов	Количество работников в них, тыс. чел.		Количество действующих кооперативов	Количество работников в них, тыс. чел.	
		Всего	в том числе совместителей		Всего	в том числе совместителей
Все кооперативы, в том числе:	29894	779,4	305,9	27486	662,2	163,5
по производству товаров народного потребления	5236	125,9	41,6	4446	110,5	27,9
по бытовому обслуживанию населения	5370	101,3	36,7	2665	43,5	8,8
в общественном питании	613	5,6	1,1	305	3,2	0,3
по заготовке и переработке вторичного сырья	346	11,3	3,5	265	7,6	1,6
строительные, проектно-разведывательные	6218	240,2	76,2	9223	267,6	54,2
сельскохозяйственные	745	10,7	2,4	817	13,5	2,2
торговые и торгово-закупочные	783	7,6	1,6	529	6,4	1,1
художественно-оформительские	893	16,2	4,8	723	8,4	1,6
по предоставлению медицинских услуг	878	15,1	10,6	569	8,9	4,7
по организации досуга	351	6,2	3,8	187	1,9	0,7
научно-исследовательские, проектно-конструкторские, по разработке программных средств, предоставлению информационных услуг	1688	57,4	37,6	1469	31,5	14,1
другие виды кооперативов (по производству строительных материалов, продукции промышленно-технического назначения, транспортных услуг)	6773	181,9	86,0	6288	159,2	46,3

* *Источник:* Народне господарство УРСР у 1989 році. Статистичний збірник. — К., 1990. — С. 70; Народне господарство УССР у 1991 році. Статистичний збірник. — К., 1992. — С. 61.

Таблица 4

Количество граждан, занятых индивидуальной трудовой деятельностью в УССР в 1989 году*

Вид деятельности	тыс. человек	в % к сумме
Количество граждан, занятых ИТД, из них занято:	125,1	100
кустарно-ремесленными промыслами	77,3	62
в бытовом обслуживании	34,5	27
в социально-культурной сфере	5,8	5
народными художественными промыслами	2,1	2
другими видами деятельности	5,4	4

* *Источник:* Народне господарство УРСР у 1989 році. Статистичний збірник. — К., 1990. — С. 72.

С начала 1990-х годов количество кооперативов (и занятых в них) начинает снижаться: в 1992 году их зафиксировано 17 243, в 1995-м — 4 418, в 1996-м — 3 179. Это связано с тем, что помимо кооперативов появился другой юридический статус для регистрации предпринимательской активности — “малые предприятия”, что отразилось в данных статистической отчетности: количество малых предприятий последовательно росло (в 1992 году — 50496; в 1996-м — 93091, среди которых 36% — частные, 63% — коллективные, 3% — государственные, 0,01% — совместные предприятия) [Народне господарство за 1992: с. 250, 252; Статистичний щорічник України, 1996: с. 359, 362].

Параллельно с инновационными экономическими практиками шло законодательное оформление новых социальных, экономических и трудовых отношений и статусов, занявшее 4-летний период — с 1986 по 1990-й год. Первичную юридическую базу для легальной предпринимательской деятельности составили Закон СССР “Об индивидуальной трудовой деятельности” от 19.11.1986 и Постановление Совета Министров СССР “О создании кооперативов по производству товаров народного потребления” от 05.02.1987. Далее для изъятия возможных сверхдоходов у кооператоров и во избежание резкого экономического и социального расслоения был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о прогрессивном налогообложении кооператоров от 14.03.1988 (кстати, под сверхдоходами в документе подразумевалась сумма, превышающая две с половиной средние зарплаты). Закон “О кооперации в СССР” от 26.05.1988 разрешил кооперативам заниматься любыми не запрещенными законом видами деятельности, в том числе и торговлей. Закон “О предприятиях СССР” от 04.06.1990 открыл возможность учреждения частных и совместных предприятий, определив “общие правовые, экономические и социальные основы организации предприятия при многообразии форм собственности и видов деятельности в условиях развития товарно-денежных отношений и регулируемого рынка”.

Тем не менее в Конституции Украинской ССР, принятой 27.10.1989 года, социально-экономические инновации еще не были отражены. Она сохраняла преемственность идей и принципов Конституции УССР 1978 года: законодательно закреплялось только две формы собственности на средства производства — государственная (общенародная) и колхозно-кооперативная; индивидуальная трудовая деятельность допускалась только в сферах кустарно-

ремесленных промыслов, сельского хозяйства и бытового обслуживания населения. Относительно классовой структуры все еще воспроизводилась сталинская формула о нерушимом союзе рабочих, крестьян и интеллигенции; стратегической целью оставалось усиление социальной однородности общества — стирание классовых различий. (Правда, уже с 1990 года в текст Конституции стали вносить соответствовавшие новой ситуации изменения.)

Институционализация частной собственности и новых по статусу занятости групп происходила в процессе как легализации (путем разработки и принятия соответствующей законодательной базы), так и легитимации в общественном сознании. В живом процессе повседневного становления новых трудовых и социальных практик шла выработка и кристаллизация соответствующих норм, ценностей, ярлыков и маркеров новых социальных статусов. В научной и повседневной речи происходил поиск и апробирование номинаций для идентификации новых социальных групп — кооператоры, челночники, коммерсанты, бизнесмены, предприниматели. Социологи принялись за эмпирическое изучение нового феномена: в 1990-м году были проведены первые опросы общественного мнения населения УССР об отношении к кооператорам и предпринимателям (массивы хранятся в Архиве эмпирических исследований Института социологии НАН Украины) и появились первые статьи, анализирующие эти данные (например, [Оробець, 1993]). Неожиданные данные опубликованы в статистическом ежегоднике за 1989 год относительно мнения населения о кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности (по результатам опроса 20 тыс. человек в июне 1989 года) (табл. 5). Редкий случай, когда в статистическом сборнике кроме сухих фактов-цифр публикуются мнения людей, что обычно является прерогативой социологов. Очевидно, что изначально отношение к кооперативной и индивидуальной деятельности было скорее негативным (31%) и неоднозначным (24%), чем позитивным (15%). С этими формами экономической деятельности население страны связывало такие негативные явления, как увеличение социального неравенства и активизация преступной деятельности¹.

На появление нового явления быстро и остро отреагировал кинематограф. Например, эксцентрическая криминальная комедия Леонида Гайдая “Частный детектив, или Операция “Кооперация”” (1989) высмеивала злободневные для перестроечного времени темы, такие как кооперация, цеховики, рэкет, коррупция, бюрократизм, самогоноварение, проституция. Комедия Валерия Чикова “Про бизнесмена Фому” (1993) воспроизводила факт появления первых предпринимателей в селе и порождаемый этим конфликт. В обеих комедиях представлена визуальная реконструкция механизма предпринимательской активности — от бизнес-идеи до ее реализации и провоцируемых ею общественных конфликтов. Новые социально-эконо-

¹ Одним из поразивших воображение советских людей знаковых событий того периода, вызвавшим широкое обсуждение в СССР и разделившим общественное мнение, была выплата первому легальному советскому миллионеру Артему Тарасову по решению возглавляемого им кооператива “Техника” заработной платы в 3 млн рублей за январь 1989 года из полученной кооперативом прибыли. С этой заработной платы были заплачены все налоги (например, налог на бездетность составил 6% от зарплаты, или 180 000 рублей). Заместитель Тарасова по кооперативу, получивший аналогичную заработную плату, будучи членом КПСС, уплатил членские взносы в размере 3% от зарплаты — 90 000 рублей.

мические типажи (частный сыщик, владелец кооперативного туалета) представлены в сатирическом виде, и уже намечены главные линии общественного противостояния — с одной стороны, предприниматели, с другой — консервативно настроенные граждане (деревенские коммунисты в фильме Чикова), с третьей — местные рэкетеры.

Таблица 5

**Мнения населения УССР о кооперативной и индивидуальной
трудовой деятельности в 1989 году, %***

Высказали к кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности отношение:	%
позитивное	15,0
негативное	31,0
неоднозначное	24,3
равнодушное	14,7
затруднялись с ответом	15,0
Отметили позитивный вклад кооперативов в...:	
ассортимент и качество товаров и услуг	11,2
общественное питание	5,6
медицинское обслуживание	12,3
бытовое обслуживание	12,9
Назвали основные недостатки в работе кооперативного и индивидуального секторов (каждым респондентом отмечено до 3-х недостатков):	
ограниченный ассортимент	12,5
неудовлетворительный санитарный контроль	14,9
невысокое качество	42,8
отсутствие гарантий качества	45,8
необоснованно высокие цены	88,3
Отметили негативные явления, связанные с кооперативной и индивидуальной трудовой деятельностью (каждым респондентом отмечено до 3-х недостатков):	
увеличение количества лиц, получающих необоснованно высокие доходы	57,5
увеличение дефицита в государственной торговле	35,1
активизация преступной деятельности	28,4
увеличение разрыва в доходах населения	28,3
замена государственных товаров и услуг кооперативными	26,0
утечка высококвалифицированных кадров с государственных предприятий	24,5

* *Источник:* Народне господарство УРСР у 1989 році. Статистичний збірник. — К., 1990. — С. 72.

Заключение

Очевидно, что в Украине класс мелких собственников имел сложную судьбу. В столыпинский период, прерванный революционными событиями, он не успел сформироваться и закрепиться в виде эффективной эконо-

мической и социальной силы. В 70-летнюю советскую эпоху мелкая буржуазия была шаг за шагом практически полностью ликвидирована в легальном секторе экономики и официально-декларируемой социальной структуре украинского общества; воспроизводилась лишь маргинализируемая и дискриминируемая группа мелких предпринимателей в теневых нишах экономики. Только в последние 30 лет, начиная со времен перестройки, сложились благоприятные институциональные условия для полноценного реконституирования этого класса, давшие ему шанс закрепиться в экономической и классовой структуре общества¹. В каждой из описанных ситуаций/периодов генерации мелких предпринимателей отличались институциональными условиями существования, социально-экономическим и правовым статусом, источниками комплектования, численностью, социально-профессиональным составом, менталитетом и социокультурными нормами предпринимательской деятельности.

Источники

Барбой А.З. Аграрний капіталізм у Росії і столипінська земельна реформа / А.З. Барбой // Український історичний журнал. — 1980. — № 11. — С. 86–96.

Васильев Д. Фарцовщики. Как делались состояния. Исповедь людей “из тени” / Васильев Д. — М. : Вектор, 2007. — 158 с. — (Серия : Сделано в СССР).

Волосник Ю. Нова буржуазія в умовах непу / Ю. Волосник // Нариси повсякденного життя радянської України в добу непу (1921–1928 рр.) : [кол. моногр.] : в 2 ч. / відп. ред. С.В. Кульчицький. — К. : Ін-т історії України НАН України, 2010. — Ч. 2. — С. 343–381. — (З історії повсякденного життя в Україні).

Гелей С.Д. Теорія та історія кооперації / С.Д. Гелей, Р.Я. Пастушенко. — К. : Знання, 2006. — 514 с.

Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки : зб. наук. пр. / за ред. В.А. Смоля та ін. — К. : Наук. думка, 2003. — 888 с.

Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / под ред. Т. Шанина. — М. : Аспект-Пресс, 1996. — 413 с.

Губарев В.К. Исторический очерк о нэпе на Украине и причинах его свертывания в конце 20-х годов [Электронный ресурс] / В.К. Губарев. — Режим доступа : http://history.ui.ua/ungr_ussr/istoricheskij-ocherk-nepe.

Кондрашков Н.Н. Тунеядство: против закона и совести / Кондрашков Н.Н. — М. : Юрид. лит., 1989. — 160 с.

Кооперативные организации // Украинская советская энциклопедия. — К. : Глав. ред. УСЭ, 1985. — Т. 11, кн. 2. — С. 157–158.

Кузьменко-Лісовенко К. Житні гори. Історія. Людські долі / Кузьменко-Лісовенко К. — К., 2012. — 656 с.

Кульчицький С. Сталінський етап в соціально-економічних перетвореннях / С. Кульчицький // Українське радянське суспільство 30-х рр. ХХ ст.: нариси повсякденного життя : [кол. моногр.] / відп. ред. С.В. Кульчицький. — К. : Ін-т історії України НАН України, 2012. — С. 25–96. — (З історії повсякденного життя в Україні).

Кульчицький С. Комунізм в Україні: перше десятиріччя / Кульчицький С. — К. : Основи, 1996. — 396 с.

¹ Рассмотрение ситуации реконституирования класса мелких собственников останавливается на периоде перестройки из-за ограниченного объема журнальной публикации. Статья об этапе новейшей истории этого класса — воспроизводству его в период постсоветской трансформации планируется в одном из следующих номеров журнала.

Досягнення Радянської України за 40 років : стат. зб. — К. : Держстатвидав, 1957. — 245 с.

Історія українського селянства: Нариси : в 2 т. — К. : Наук. думка, 2006. — Т. 1. — 632 с.

Історія українського селянства: Нариси : в 2 т. — К. : Наук. думка, 2006. — Т. 2. — 653 с.

Кустарная промышленность // Украинская советская энциклопедия. — К. : Глав. ред. УСЭ, 1981. — Т. 5. — С. 510.

Лебина Н. Антимирь: принципы конструирования аномалий, 1950–1960-е годы / Н. Лебина // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. — М. : ООО “Вариант”, ЦСПГИ, 2008. — Т. 5. — С. 255–265.

Марочко В. Повсякденне життя колгоспного села / В. Марочко // Українське радянське суспільство 30-х рр. XX ст.: нариси повсякденного життя: Колективна монографія / Відп. ред. С. В. Кульчицький. — К. : Інститут історії України НАН України, 2012. — С. 239–354. — (З історії повсякденного життя в Україні).

Нізова Л.В. Промислова кооперація на Україні в 20–30 роки / Л.В. Нізова. — Черкаси, 1993. — 124 с.

Нізова Л. Сільський кустар / Л. Нізова // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. — 2005. — Вип. 14. — С. 187–206.

Орбець Ю. Розвиток підприємництва та бізнесу в уявленнях громадян / Ю. Орбець // Політичний портрет України. Центр “Демократичні ініціативи”. — 1993. — № 3. — С. 25–31.

Пахомов С.А. Социокультурный портрет предпринимателя периода нэпа и его отражение в пропаганде и массовом сознании : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук. : спец. 07.00.02 “Отечественная история” / С.А. Пахомов. — М., 2005. — 25 с.

Романов П. Трузера и крабы для советского потребителя: будни подпольного капитализма фарцовщиков / П. Романов, Е. Ярская-Смирнова // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. — М. : ООО “Вариант” : ЦСПГИ, 2007. — С. 152–169.

Симончук Е.В. Средний класс: люди и статусы / Симончук Е.В. — К. : ИС НАНУ, 2003. — 464 с.

Словарь української мови : в 4 т. / [упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченка]. — К. : Вид-во Академії наук України, 1996. Т. 1 : А–Ж. — 1996. — С. 19.

Сорокин П.А. Социология революции / Сорокин П.А. — М. : Изд. дом “Территория будущего” : РОССПЭН, 2005. — 704 с.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР / Сталин И.В. — М. : Изд-во полит. лит., 1952.

Стойпинская аграрная реформа // Украинская советская энциклопедия. — К. : Глав. ред. УСЭ, 1984. — Т. 10. — С. 473–474.

Трубицын А.К. О Сталине и предпринимателях [Электронный ресурс] / А.К. Трубицын. — 2011. — Режим доступа : http://anticomprador.ru/publ/a_k_trubicyn_o_staline_i_predprinimateljakh/29-1-0-1065.

Труд в СССР : стат. сб. — М. : Финансы и статистика, 1988. — 303 с.

УССР. История. Капиталистический строй // Украинская советская энциклопедия. — К. : Глав. ред. УСЭ, 1985. — Т. 11, кн. 2. — С. 93–108.

Фицпатрик Ш. “Паразиты общества”: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР / Ш. Фицпатрик // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. — М. : ООО “Вариант” : ЦСПГИ, 2008. — С. 219–254.

Alexeev M. A note of measuring the unofficial economy in the former Soviet Republics / M. Alexeev, W. Pyle // Economics in Transition. — 2003. — Vol. 11 (1). — P. 153–175.